

Лосева Наталья Вениаминова

Мамины котлеты

Темка смотрел свой любимый мультфильм “Маугли“, когда вошел, вернее ворвался отец со своей всклокоченной шевелюрой.

-Все!-бросил он.-Уезжаем!

У Темки волнительно заколотилось сердце. Неужели? Сколько он ждал этого и, наконец, дождался!

Отец Темки Владислав Викторович работал дальнобойщиком. Этим очень гордился Темка и тоже хотел пойти по его стопам. Отец был постоянно в затяжных командировках и из – за работы не мог выполнять то, что обещал. Темка понимал это, но не мог смириться. Ведь обещал...А обещал отец еще на прошлых летних каникулах поездку. И ни куда – никуда, а за две тысячи километров - в белокаменную, в столицу, в Москву! Там у отца жил брат, вернее не брат, а как выражался отец – седьмая вода на киселе. Но отец любил родычаться. Что поделать!И этим, казалось бы, изжитым качеством обезоруживал любого. Даже такую столичную штучку как доцент кафедры психологии, штатный корреспондент газеты “Правда” и журнала “Психология в нашей жизни” Михаил Иванович Инов, к кому как раз и собирались. О дяде Мише, как по простому называл его отец, отец случайно узнал из “Правды”, которую он любил почитать на перегонах под Самарой или Алуштой, где ему приходилось бывать по долгу службы. А бывал он по всей бескрайней, во всех или почти во всех ее уголках. И это тоже было предметом гордости Темки перед пацанами.

Так вот, когда отец прочитал статью с названием “Полифония межличностных отношений”, под которой значилась его редкостная фамилия Инов, то вместительное сердце отца, куда входила вся близкая и далекая родня не только его, но и матери Темки, дрогнуло. Не долго думая, отец написал письмо в редакцию, в котором изложил все биографические данные свои и своих родственников. Ответа долго не было, и он хотел уже писать повторное письмо, а потом еще и еще пока не ответят, но тут пришло долгожданное письмо. В письме новообретенный родственник сообщал, что родом с Урала была его пробабка, как раз с того же селения, что и прадед отца. По раскладу получалось, что Михаил Иванович был темкиному отцу четвероюродным братом. Но это несколько не пугало отца, и позапрошлой зимой он уехал к брату на смотрины.

Приехал отец взволнованный и какой – то молчаливый. На все вопросы - как поездка? – отвечал коротко : все нормально. Любимым же занятием его стало записывать в комнате, разрабатывая генеологическое древо. Шумный, не терпящий вакуума, он стал создавать его вокруг себя для того, чтобы рисовать какие – то палочки и кружочки. Мать не понимала этого и, конечно же, обратилась к родственникам, на что сразу получила однозначный ответ – не мешай. Наседевшись вдоволь при закрытых дверях, отец начал приступами брать архивы. Мать свободно вздохнула и обратилась к домашним делам, которые на время были по понятной причине отложены. Но радость ее была недолгой.

Сначала архив, в который обратился отец, был местный, их маленького южного городка. Но затем были сначала заказные письма, а затем и поездки в другие города, другие архивы. На это уходило все свободное от командировок время, да и немалые деньги. Вместо того, чтобы заниматься дома хозяйством, детьми, отец направил свою немалую энергию на сбор сведений о родственниках, которых никогда в глаза не видел, да и не увидит уже. Мать недоумевала : зачем это надо отцу, она заранее невзлюбила того московского брата, который по ее словам уводил мужа из семьи. Поэтому от поездки в первопрестольную отказалась. Их отношения с отцом начали портиться, что нельзя было сказать о детях.

Темка не замечал каких либо изменений в их отношениях с отцом. Он понимал, если отец чем – то занят, то не надо ему мешать. Когда отец уезжал, то Темка очень скучал за ним. Во время отсутствия отца он чувствовал какую – то ущербность, незащищенность. У него пропадал аппетит, съезжали отметки в школе, и не было желания разобраться на кулаках “кто есть кто”. Но зато когда мать, поправляя шиньон, сообщала, что на следующей неделе приедет отец, то Темка враз оживал. Как будто отец на расстоянии вводил необходимую порцию адреналина. Уроки запоминались сами собой, в секции по легкой атлетике к финишу он приходил первым, пятилетний брат Кирилл, все сверстники Темки ходили битые им. Мама была вне себя от очередных проделок Темки, особенно когда на пороге их частного дома вновь появлялась зареванная мамаша со своим отпрыском , получившим изрядную порцию тумачков от ее сына. После разборок с матерью Темка отсиживался на чердаке или в кладовке, но через пару дней все повторялось снова.

С приездом отца радости Темки не было конца. Ему очень нравился запах, исходивший от отца : запах бензина, крепких сигарет, кожи, вольный, неудержимо влекущий запах бескрайней степи. Из своей большой выдавшей виды сумки отец доставал остродефицитные вещи, которые для некоторых были просто экзотикой. Для некоторых, но не для Темки. Привозил не только на семью, но и родственникам, врачам, нужным людям, которые помогали выжить. Темка помнит, что отец привозил матери компактную пудру с зеркальцем, басаножки на шпильке, эластичные колготки, в то время как все ее знакомые расхаживали в чулках на поясе. Ему же, Темке, доставались ботинки (не сапоги!) на меху, куртка на подстежке, кепка с козырьком.. Кирюха был, так сказать, на подносе, отец считал расточительным тратится на то, что есть.

- Главное, - говорил глава семейства,- чтобы вещь была чистой, а дырки можно залатать.

Поэтому Кириллу приходилось донашивать вещи за Темкой. Но зато какие ему доставались игрушки! Правда, Темка не считал, что игрушки доставались его брату, и, оставшись с ним один на один, накладывал на них свою руку. А игрушки были на зависть друзьям и особенно врагам, такие, какие были только у сына второго секретаря райкома партии Димки Рекомчука из параллельного класса. Он с ним не водился, так сказать, по классовым соображениям, но знал, что и железная дорога с бегущими вагончиками, и шагающий экскаватор, и переводилки у Рекомчука имелись. Правда, в отличии от Рекомчука данные игрушки появлялись у Темки намного позже, но все же другим одноклассникам было далеко до него.

Два года Темка ждал, когда отец вот так придет и бросит с порога “Поехали!”, но так и не дождался. Темка знал, что если отец пообещал, то обязательно сдержит свое слово ; и иногда в коротких перерывах между работой, когда отец чинил свою любимую телегу – мотоцикл “Урал” или хозяйничал в сарае, умудрялся с нарочистой грустью протяжно –

долго заглядывать в его глаза. Отец как будто читал вопрос Темки и, похлопав по плечу, начинал объяснять :

- Я бы хоть сейчас. Отпуск у меня должен быть. Но вишь, Сан Саныч заболел. Понимать надо.

За Сан Санычем был Пал Саныч, который третий год без отпуска. А до отца, который только и отдыхал, что осенью и зимой, дело не доходило. На самом деле Темка понимал, что здесь виновны ни Сан Саныч, ни Пал Саныч, здесь дело совсем в другом. Каждое утро, а иногда и по два раза на день отец, затаив дыхание, подкрадывался к почтовому ящику. Да, не подходил, а именно подкрадывался, как охотник к добыче, чтобы не спугнуть. Он все время ждал каких –то очень важных писем, и очень переживал за их отсутствие. Именно от этих писем, как предполагал Темка, и зависит их отъезд в Москву. А вчера отец часа два провел у тети Маши в ожидании какого – то звонка, после чего мать часа три о чем- то беседовала с соседкой. Придя домой мать, нарочисто громко хлюпала носом, чтоб привлечь внимание отца, но он так и не привлекался, в очередной раз заперевшись у себя в комнате. И вот сегодня, наконец – то, только сегодня в январе месяце (жаль, что не сразу после Нового года !) случилось то, что должно было случиться.

- Ну, что смотришь, малец? Иль не рад?- отец похлопал Темку своей тяжелой ладонью.

Как не рад? У Темки комок забился выше горла.

- Вишь, как я предугадал, - продолжал отец, - Прямо на каникулы. Сколько тебе гулять-то осталось?

- Четырнадцатого в школу, - виновато просипел Темка.

- А сегодня восьмое. Стало быть, плюс десять дней и того восемнадцать. Четыре дня сочковать придется.

Темка округлил глаза. Как? Отец разрешает профилонить четыре дня?!

- Ну, это ж случай!- успокоил отец, как бы читая его мысли. У них с отцом было странное взаимопонимание, как будто один был частью другого. И в этом тесном переплетении, слиянии в единое целое были едины не только синие глаза, крепкие руки с оттопыренным большим пальцем, не только походка, наклон головы немного вправо, но и мысли, восприятие другого до вздоха, взгляда, мельчайшего желания.

- Со мной можно, а без меня...- отец замахнулся, усмехаясь в усы. Темка знал, что отец бить не будет, но все же пригнулся, и ладонь, черпнув пригоршней воздух, прошла мимо.

Обрадованный неудачей отца и своей ловкостью, Темка обрел дар речи после долгожданной, но все же ошарашивающей новости.

- Когда едем? – выпалил он, как из автомата.

- Вот,- отец достал из-за пазухи билеты. – Отъезд сегодня в 0.30.

- Как??? – подумал, но не закричал Темка.

Внутри него все заколотилось. С матерью, когда ездили к бабе Зое, они собирались за сутки. Надо собрать не только вещи, но и гостинцы. Без этого нельзя. Так учил отец. Надо все продумать до мелочей и не только за себя, но и за брата : главное – фотоаппарат, потом - продукты в дорогу, запасное белье : трусы, носки, майку, да не забыть полотенце, мыло, зубную щетку и пасту. А когда Темка начинал думать об игрушках, голова шла кругом. Ему хотелось взять все сразу, ведь ехать как-никак полтора суток туда и столько же обратно. Но он так же знал, что все взять просто невозможно, родители не разрешат. Поэтому надо выбирать самое необходимое и небольшое : карты, например, несколько оловянных солдатиков, экскаватор, если разрешат, гоночную машину, да не забыть трубочку под горох и сам горох, побольше. Кое – что, как, например, горох, надо было запрятать так, чтобы матери нельзя было обнаружить (больше всего Темка не любил проверок – не нравится, собирали бы сами ! А то сначала – “пожалуйста”, а потом – “ишь чего захотел!”). А на все сборы только вечер. На улице уже темно, а столько дел надо переделать...

Темка знал, что отец уйдет за подарками, потом зайдет к бабушке попрощаться – от него помощи не жди, придет под завязку. Мама будет только через час и начнет готовить еду в дорогу. Значит, все сборы лягут на его, темкины плечи. Но зато потом...

- Ну, что стоишь? Шагом марш на чердак, -командным голосом распорядился отец и сунул в руки Темки огромную сумку.

Далее то, что происходило, Темка может сравнить лишь с неммым кино, когда кадры со скоростью меняют друг друга : как он лазал по чердаку с фонариком в руках и доставал из – под колец стружки кубанские душистые яблоки ; как шел в курятник за яйцами, похрустывая снегом, а полная луна, освещала дорогу ; как нырял в кадушку и вытаскивал оттуда ледяными руками соленые арбузы.

Пока Темка управлялся со сборами, возле плиты ворковала мать. Своими мягкими и теплыми руками она могла из ничего сделать такое, что пальчики оближешь. Уставшая после трудового дня, в уютном халате, как улитка в крепости, она на этот раз готовила в дорогу, как ни странно, не отварную курицу (потому что ее некому было зарубить, а напрасные траты отец не любил), а котлеты из покупного фарша (выручила соседка тетя Рая – завмаг, дала как всегда из-под «полы») . Запах стоял такой, какой мог быть только у материнских котлет : ядренный с чесночком и какими – то приправами. У Темки от такого смачного запаха образовался камень где-то в районе солнечного сплетения, но просить он не решался, не принято, только за столом. Кирилл как ни в чем не бывало, гонял вагоны по своей железной дороге, которую Темка почему- то враз возненавидел.

- Благо ему, - подумал Темка, - И в ус не дует. А мне еще его вещи собирать.

За брата он был ответственен с момента его рождения. В шесть лет его детство закончилось, и он стал сразу взрослым. Темка гулял с братом во дворе, когда тот сопел в свои две дырочки, совал соску в его оголтелый проснувшийся рот, отдирав колеса коляски от липкой и жирной грязи. А потом приносил из колонки ведро воды и начинал мыть эти самые колеса, чтоб коляску можно было занести в дом. Вот чего он ненавидел делать, так это мыть колеса коляски. При каждом движении они крутились, как будто белка в колесе, и никак не хотели останавливаться. А их надо было вымыть так, чтобы отчетливо были видны бороздки на резине. Как ни старался Темка, за колеса ему доставались тумачи. Он уходил в дом обиженным, закрывался у себя в комнате, но этого никто не замечал, все

были заняты своими делами. В какой – то момент Темка, как ни странно, понял, что не так плохо, что его нагружают. Нагружают, значит, доверяют, считают взрослым. В свои неполные десять лет он умел делать многое и этим явно выделялся на фоне «маминьких» сынков. Когда родители в очередной раз давали ему «важное» задание, он внутренне гордился. Он не сопливый молокосос Кирилл, он совсем, совсем большой. И под сладкозвучные упрашивания матери и панибратские похлопывания по плечу отца он с важностью отменного специалиста немного свысока делал отдолжение своим родичам.

Перед дорожкой, когда вещи были собраны и разложены по сумкам : в одной – еда, в трех других гостинцы и еще две под одежду и вещи первой необходимости, отец уложил всех спать. Но Темка, конечно же, не уснул. Он все прислушивался к скрипу половиц, к позвягиванию пружин, к раскачиванию фонаря под окном. А когда шорохи, вздохи и всхлипы в родительской утихли, то Темка углубился в свои мечтания. Вот он у Мавзолея, вот он у памятника Владимира Ильича, вот он в метро на эскалаторе, вот он на Красной площади. И с каждого места обязательно снимок : щелк, щелк, щелк. В метро он улыбается, у Мавзолея грустит, у памятника Владимира Ильича задумчив, на Красной площади горд. Темка представлял как он по приезду разложит фотографии на большом учительском столе, как его обступят ребята и начнут охая разглядывать. Все будут спрашивать :

- Как там метро?

- А правда что это настоящий подземный город?

Или :

-Как там Владимир Ильич? Живой или не очень?

А Темка с важностью будет отвечать.

- Все как надо. Живут заветами Ильича. Там апельсины на каждом углу продаются.

А в это время Танька Бушарина с соседней улицы Павлика Морозова тайком без спроса возьмет себе одну фотокарточку на память. Такие мысли радовали и согревали темкину душу. А еще Темка думал : почему Москву называют белокаменной, ведь зубчики Кремля на Красной площади из красного кирпича. Не понятно.

От таких размышлений Темка пришел в себя только в купе поезда, когда вещи были занесены, пересчитаны и расставлены по местам. В четырехместном купе, кроме них троих не было никого. За стенкой живенько урчал туалет, и, как оценил сразу Темка, есть возможность перестукиваться с Кириллом, как революционеры в застенках. А далеко в Москве его будет ждать сам гегемон пролетариата – Владимир Ильич Ленин. Темка, конечно же, никогда не будет белым, только красным. А Кирилл ничего не понимает, и в беляках походит. Тут, казалось, впервые на Темку навалилась масса теплых и нежных чувств по отношению к брату. Сразу забылись обиды и ссоры, его ябидничество и ответные «уроки» родителей.

Отец распределил места не по билетам, а по - хозяйски. Кириллу внизу, а себе и Темке на второй полке. Темка был на седьмом небе от счастья : его признали большим и, как большому, выделили вторую полку, хоть полагалось две нижних! Темка мигом застелил себе и брату постель, и даже не ворчал по этому поводу на Кирилла.

Был уже второй час ночи, можно было ложиться спать, но отец усадил всех за стол. Для него это был ритуал : обмыть дорожку, так сказать, «подмаслить» ее. Отец достал все, как будто было обеденное время: яйца, колбасу, соленые огурцы, еще теплую, завернутую в бумагу банку с картошкой.

- А где котлеты? - испуганно спросил отец, как будто забыл билеты на поезд.

Темка вспомнил, что котлеты были в клетчатой сумке и, щелчком согнав Кирюху с места, полез в рундук.

- Вот они,- отец расцвел, когда на столе появилась маленькая кастрюлька, вынутая из капусты газетных листов и наволочки – окантовки.

Отец налил Темке и Кириллу по полной железной кружки компота, что мать заготавливала в зиму, а себе плеснул в пластмассовый складной стаканчик самогона.

- Это я так...Дорожку обмыть, - как бы оправдываясь на недоуменный темкин взгляд сказал отец и залпом выпил.

Темка был спокоен за отца, он никогда не видел его пьяным. Отец не пил, он отмечал, просто отдавал дань какому – нибудь событию. Котлеты были вкусные, мать умела готовить. Запах сразу наполнил купе, просочившись в каждую клеточку сидевших. Хрустящая корочка хрустела на зубах и была на редкость аппетитной. Отец плеснул себе еще немного самогона, поинтересовался наличием компота у сыновей.

- Ты не смотри, не смотри на меня так, - он устало уставился в окно, за которым бежала луна, и Темке показалось, что перед ним незнакомый старик.

Кирилл, выхватив у Темки кружку с компотом, ткнул его в бок. Но Темка даже не ответил на выпады брата.

- Дядя Миша хороший. Правда хороший, - каким – то деревянным языком заговорил отец. – Вишь, брата себе нашел в первопристойной. Вот ты так попробуй.

У отца была маленькая родня. Трое братьев погибли в войну, остались две сестры, две племянницы, да один зять на двоих и то - никудышный .

- Одно бабье, одно бабье, - иной раз возмущался отец, - и поговорить не с кем.

Поэтому отец так дорожил появившимся братом, к тому же с его фамилией. Фамилия отца была предметом его гордости. Иногда, хватанув стопку- другую, он начинал бить себя кулаком в грудь и кричать : “Я, понимаешь ли, не какой – нибудь Иванов. Я – Инов, я иной человек, то есть – новый. За нами будущее, за новыми людьми ! ” Мать сразу начинала его утихомиривать, пугать людьми в милицейской одежде, говорить об ответственности за детей. И отец сдавался, садился на краешек стула и замолкал, молча переживая внутреннее свое поражение.

Отец любил всех родственников подряд, не взирая какой человек это был, лишь бы свой, своя кровинушка. Своему он готов был простить все, чтобы никогда не сделал для чужака. Ему явно не хватало своей небольшой родни, и он с огромным рвением переключился на многочисленную родню мамы. В его потрепанной книжке были

записаны по порядку дни рождения всех родственников. И когда он бывал дома, то без предупреждения ходил на все дни рождения. В маминой родне это было не принято, только когда позвонят, но отец не понимал этого. Он являлся на порог к имениннику с видом долгожданного и горячелюбимого гостя, а когда мать наотрез отказывалась идти с ним, то он отправлялся к ее родне один.

- Нет, он, конечно, не то, что мы, - продолжал он о дяде Миши,- Интеллигент ! Но нос не задирает. Наш – Инов, - пафосно сказал отец и звонко захрустел огурцом.

Темка жевал третью по счету котлету не потому что был очень голоден, а чтобы как отец “подмаслить” дорожку. Вкус был необычный, вкус маминых котлет он знал хорошо. Видно какую – то новую приправку положила,- неожиданно открыл для себя Темка,- но какую?

Приправки мама брала у ночевальщиков, которых держала бабушка, живя напротив базара. Ночевальщики : шумные говорливые дегистанки, чеченки, осетинки в цветастых цыганских юбках и с золотыми серьгами подковой давали затак хозяйке брачные и немного подгнившие фрукты, а она уже в свою очередь делилась с невесткой. Из них можно было сварить вкусный компот, а можно было обрезать бока и съесть свежими. Эти фрукты с кавказского “своего” сада были единственным источником витаминов, потому что в овощных магазинах было обычно почему – то пусто, а покупать с базара – накладно, да и зачем покупать, если и так дают. Давали также иногда веселые, а иногда грустные в большей части ночевальщицы семечки, орехи, те же приправки, чтоб следующий раз пускали – близко, удобно, хорошо! Темка знал эти приправки, но никак не мог разгадать что новое положила мать в котлеты. Хмели – сунели? Кориандр? Базелик? Розмарин? Он, сосредоточенно думал, как будто разгадывал очень важный кроссворд. И оттого разгадает он или нет, зависела его жизнь. Темка даже перестал обращать внимание на устремленный в неизвестность взгляд отца, на его какую-то сверхзадумчивость, похожую на падение в пропасть.

Отец взял котлету, откусил и сразу как будто проснулся.

- Слышь, сынок, - как-то особенно тепло заговорил отец, - а ты котлеты матери оставил?

Темку как будто расстреляли из автомата в упор, он даже вскрикнул. Он смотрел на почти полную кастрюлю сочных , душистых котлет и не знал что ответить.

- Слышь, сынок, - голос отца стал каким – то жалобным и беззащитным, – Что ж ты матери котлет-то не оставил, а?

Темка тупо хлопал ресницами и готов был залезть под стол лишь бы не видеть этого жалостливого взгляда старика, сидящего напротив. Кирилл как – то особенно оживился и начал изо всей силы больно давить своей маленькой ножкой его. Но у Темки не было желания давать ему сдачи, хотелось, наоборот,раствориться в боли и не видеть, не слышать отца.

- Так ведь...она сама...сказала, - выдавливал из себя слова Темка.
- Что? – брови отца взлетели вверх.
- Ну, это...Чтоб я не оставлял. Да. Так и сказала : забирайте все, мне ничего не надо.

Отец громко гмыкнул, и это значило, что он недоволен им, Темкой с верхней полки.

- Правильно, а что она должна была сказать? Ты ж знаешь мать...

Отец мгновенно протрезвел и стал таким, как и прежде, готовым в нужный момент дать крепкий подзатыльник.

Кирилл, предательски нарушая все правила, ударил его ложкой по голове.

-Болван! – радостно выпалил он и скрылся под столом.

В другое время Темка показал бы ему, где раки зимуют, но сейчас ему было не до него.

- Вот...Готовила, готовила...И на тебе...- вздыхая, растягивал слова отец. – Ты б ей хоть парочку оставил.

Темка хотел сказать в оправдание, что у нее еще остался салат оливье, от тети Сониного дня рождения, и колбаса аж двух сортов : докторская и кровяная, не то что у некоторых. Но говорить он не мог, чувствуя что кто-то невидимый сдавил его горло. Кирилл уже сидел на рундуке рядом с отцом и радостно корчил ему рожи. Темка не выдержал и выбежал в коридор.

Когда Темка зашел в купе, то отец с Кириллом уже спали. Темка залез на верхнюю полку и долго не мог заснуть. Луна то и дело выскакивала из – за тучи и маминым голосом спрашивала : “Ну, как ты, Темка? Хорошо ли тебе? ” В это время у Темки наворачивались слезы и он утыкался в подушку. Отец мирно похрапывал, и Темке казалось, что он вовсе не храпел, а осуждающе вздыхал над ним, Темкой.

- И зачем мы едем туда?- рассуждал он, как будто это могло облегчить его страдания. – Вечно отец со своими родственниками. Вон и мама говорит : куда ты едешь, как будто ты в этой Москве кому- то нужен...

Ночь была бесконечно длинной, длинее, чем вся прожитая жизнь Темки. Ему уже не хотелось быть на второй полке, хотелось быть внизу. Пусть будет опять маленький, но только чтоб не чувствовать осуждения, которое сквозило из всего облика спящего отца. Темки уже не хотелось в Москву, не хотелось хвастать на учительском столе фотографиями. Перед взором Темки мелькали лица его одноклассников, но все они почему – то не завидывали, а смеялись над Темкой. А Танька Бушарина с соседней улицы Павлика Морозова корчила рожи, такие как корчил Кирилл, и раскатисто смеялась. От этого Темки становилось совсем одиноко и тоскливо. Хотелось, чтобы ночь поскорее кончалась, чтоб пришло утро, и тогда все будет по – другому, совсем по - другому.

Но в тоже время Темка страшно боялся утра, боялся встретиться взглядом с отцом. Что это будет за взгляд ? Что скажет отец? От этих мыслей у Темки холодок начинал пробегать по коже. Нет, лучше пусть будет ночь, пусть все останется как есть, только не видеть полных грусти глаз отца, старика, сидящего напротив. Захотелось, как в детстве, уткнуться в мамины колени и поплакать, чтоб на душе стало легче. Темка знал, что если бы здесь была мама, он бы так не страдал, она б нашла спасительные для него слова. Но мама была далеко, очень далеко. Из –за туч то и дело выглядывала луна, она бежала за Темкой и говорила маминым голосом :”Ну, как ты, Темка? Хорошо ли тебе? ”